

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Белолубская Г.С. Исчезнувшие стада: утрата оленеводства в эвенкийской общине Западной Якутии в советское время // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72711
EDN: WTVPHU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72711

Исчезнувшие стада: утрата оленеводства в эвенкийской общине Западной Якутии в советское время

Белолубская Галина Степановна

кандидат политических наук

научный сотрудник, лаборатория "Человек в Арктике", Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

677027, Россия, республика Саха, г. Якутск, ул. Петровского, 1

✉ gbelolubskaya@gmail.com

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72711

EDN:

WTVPHU

Дата направления статьи в редакцию:

12-12-2024

Дата публикации:

19-12-2024

Аннотация: Влияние советских модернизационных проектов на жизнь коренных народов Севера продолжает оставаться важной темой для исследователей. Особый интерес вызывает то, как эти проекты изменили традиционный уклад жизни и культурные основы местных сообществ. В данной статье рассматриваются изменения, произошедшие с оленеводством в советский период, каким образом советская политика и масштабные промышленные программы трансформировали жизнь кочевых общин Севера. В частности, работа посвящена изучению истории утраты оленеводства в Садынском национальном эвенкийском наслеге Мирнинского района Республики Саха (Якутия). В статье рассматривается, как организовывалась работа в оленеводческой отрасли в 1960-е годы и в каких условиях оказались оленеводы наслега в этот период. Также анализируются социальные, экономические и другие факторы, оказавшие влияние на

судьбу отрасли в 1970-е годы, и исследуются причины упадка традиционного оленеводства в наслеге. Данное исследование основано на архивных документах Садынского национального эвенкийского наслега, хранящихся в Муниципальном архиве Мирнинского района РС(Я) (г. Мирный), а также воспоминаниях местных жителей и полевых материалах, собранных автором в 2019-2021 гг. Когда речь идет о кочевых общинах, исследователи обычно сосредотачиваются на тех, где сохраняется оленеводство. В отличие от работ, посвященных сохранению традиционных видов хозяйствования коренных народов, данная статья акцентирует внимание на сообществе, которое полностью утратило свою основную традиционную отрасль и для которого важно возрождение оленеводства. Новизна исследования заключается в фокусе на общинах, где оленеводство было утрачено, что часто остается вне поля зрения большинства исследований. Кроме того, уникальность работы заключается в использовании широкого круга неопубликованных архивных материалов и воспоминаний местных жителей, что позволило реконструировать малоизученные аспекты истории оленеводства в советский период. Это исследование расширяет наше понимание последствий советской модернизации для коренных народов.

Ключевые слова:

олeneводство, Эвенки, Западная Якутия, Республика Саха, Мирнинский район, традиционное хозяйство, Арктика, промышленность, коренные народы, утрата

Введение. В социальных и гуманитарных науках изучению образа жизни и проблем коренных общин Арктики (и Субарктики) посвящены многочисленные российские и зарубежные исследования [Pika (ed.) 1999; Kasten (ed.) 2002; Habeck 2003; Vitebsky 2005; Stammler 2005; Brandisauskas 2017 и др.]. Среди них выделяется большое число работ, связанных с изучением кочевых эвенкийских сообществ в России [Николаев 1964; Тыголуков 1985; Fondahl 1998; Anderson 2000; Sirina 2006; Дуткина и Бемянская 2014; Lavrillier and Gabyshev 2017 и др.]. Центральное место в этих исследованиях занимают изучение быта, традиционных хозяйств, религиозных воззрений и этики, представлений о земле и окружающем мире. Однако ученые в основном работают с теми общинами, где еще сохраняется главное традиционное хозяйство кочевых сообществ – оленеводство. Проблемы общин, утративших оленеводство как вид хозяйствования, остаются за пределами внимания исследователей.

В этой статье речь пойдет об эвенкийской общине Западной Якутии – Садынском национальном наслеге Мирнинского района, где оленеводство практически прекратило свое существование в конце 1970-х годов. Как пишет Боякова С.И., эту общину «часто в силу относительной малочисленности и обособленности от других территориальных групп даже забывают упомянуть при перечислении современных локальных групп эвенкийского этноса» [Боякова 2024: 58]. Между тем история этого наслега представляет особый научный интерес, так как он оказался в эпицентре событий, связанных с разворачиванием алмазной индустрии в Западной Якутии [Вечерин 1997; Степанов 2002 и др.]. Советская индустриализация и коллективизация полностью изменили уклад жизни коренных народов Севера [Санникова 2007], что актуализирует изучение истории этих трансформаций и их последствий. В этом контексте, утрата оленеводства в Садынском наслеге является критически важным вопросом, который отражает более широкие процессы взаимодействия коренных народов с социально-экономическими и политическими изменениями в XX веке.

Данная работа основана на широком круге неопубликованных архивных документов Садынского национального эвенкийского наслега, хранящихся в муниципальном архиве г. Мирный. Эти материалы позволили реконструировать ключевые события, связанные с состоянием оленеводства в советский период. Кроме того, были привлечены полевые материалы автора, собранные в 2019-2021 годах в с. Сюльдюкар Мирнинского района РС(Я). В частности, важным источником стали воспоминания местных жителей, которые дополняют документальные данные, раскрывая социальные и культурные аспекты событий тех лет.

Несколько фактов из истории Садынского наслега. Западная Якутия как экономическая зона включает в себя 7 улусов, в том числе Мирнинский, где по состоянию на 1 января 2023 года проживало 71 203 человека [Статистика 2023]. В настоящий момент в Мирнинском районе, единственным муниципальным образованием, имеющим статус национального эвенкийского, является Садынский наслег. Административный центр наслега расположен в селе Сюльдюкар с населением 389 жителей [Статистика 2023]. Предки нынешних жителей Садынского наслега, как отмечает Боякова С.И., фигурируют уже в первых письменных источниках XVII в. – отписках казаков и ясачных книгах [Боякова 2024: 59]. По свидетельствам местных жителей, место, где сейчас находится Сюльдюкар, служило стоянкой для кочевников. Впоследствии, уже в советское время, эта местность стала играть значительную роль в региональных грузоперевозках, так как там были размещены складские помещения организации «Холбос», союза потребительской кооперации [Игнатьева 2019: 63].

Первые дома в этой местности появились в начале 1950-х годов. Эти сооружения были построены для размещения работников Амакинской геологоразведочной экспедиции, организованной в 1949 году для поиска алмазов в регионе. Многочисленные жители Садынского наслега проработали в этой экспедиции в качестве каюров, проводников для геологов. В 1954 году в Западной Якутии было открыто первое месторождение алмазов. Алмазная индустрия быстро расширялась, требуя все больших ресурсов. Поэтому в 1956 году было основано село Сюльдюкар, основной задачей которого стала поставка сельскохозяйственной продукции для бурно разворачивающейся алмазной промышленности.

В 1960 году советское правительство на базе существовавших колхозов создало на территории Мирнинского района совхоз «Новый». Основной деятельностью отделения совхоза «Новый» в Сюльдюкаре стало развитие животноводства: производство мясной и молочной продукции, заготовка пушнины и разведение оленей. Однако оленеводство в Садынском наслеге просуществовало недолго. В середине 1970-х годов руководство совхоза приняло решение забить около 1200 голов государственных оленей. В течение одной зимы 1976-1977 годов Садынский наслег потерял всех государственных оленей. После исчезновения государственных оленей жители села до середины 2000-х годов держали небольшое стадо частных оленей. В 2006 году был организован фестиваль в наслеге, на который специально привели оставшихся оленей. С тех пор жители Сюльдюкара больше не видели живых оленей. Как видно из описания событий, в советскую эпоху оленеводство в наслеге пережило серьезные изменения, завершившиеся его полным упадком. Решение совхоза о забое животных стало поворотным моментом в этой драматической истории. До сих пор местные жители не знают, что стояло за этим решением. Изучение материалов устной истории и архивных документов поможет пролить свет на исчезновение оленеводства в Садынском наслеге.

Состояние оленеводства в Садынском наслеге в 1960-е годы. По архивным данным, количество оленей в наслеге в 1960-х годах колебалось в пределах 2000 голов;

например, согласно данным о состоянии животноводства за 1965 год, в наслеге после отела насчитывалось 2032 государственных оленя (МА, ф.39, оп.1, д.29, л.21), а в 1968 году – 2307 оленей после отела (МА, ф.39, оп.1, д.46, л.11). Кроме этого, в наслеге содержались частные олени, которые паслись вместе с государственными. Согласно похозяйственным книгам, собственные олени были только у некоторых семей: у кого-то был один олень, у других – 4-5 или 12-15.

Среди архивных материалов наиболее интересными являются два документа, посвященные состоянию оленеводства в Садынском наслеге в 1960-е годы. Один из них датируется 1964 годом и освещает обсуждения вопросов оленеводства на заседаниях Садынского наслежного совета депутатов трудящихся (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Другой, относящийся к 1969 году и озаглавленный «Об итогах работы оленеводства за 1968 год и задачи на 1969 год» (МА, ф.39, оп.1, д.49), проливает свет на состояние и перспективы оленеводства в этот период в Садынском наслеге.

Документ 1964 года подчеркивает положительные изменения в индустрии, отмечая, что «за последние годы количество оленей увеличилось в 1,5 раза, значительно сокращен падеж оленей» (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Однако в отчете 1969 года говорится о том, что в последние годы развитию оленеводства в наслеге не уделялось должного внимания. В результате число оленей не увеличивается, а хозяйство остается нерентабельным (МА, ф.39, оп.1, д.49). Из этого следует, что перед оленеводами стояла задача постоянного увеличения поголовья. Согласно данным о состоянии животноводства за 1965 и 1968 годы замечен рост численности оленей. Однако в 1968 году, совхозу пришлось дополнительно закупить 115 оленей, чтобы достичь общего количества в 2307 голов (МА, ф.39, оп.1, д.46, л.11). Это указывает на то, что поголовье оленей увеличивалось не так быстро, как того хотели советские власти.

Основной проблемой, с которой столкнулись оленеводы в условиях необходимости постоянного увеличения поголовья, стала потеря оленей. В отчете за 1964 год главным вопросом была пропажа 228 оленей в течение 1963 года (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Среди причин этого указывались «недисциплинированность оленеводов, нарушение трудового правила, и не придерживание пастбищного маршрута, составленного отделением [совхоза]» (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Этот фрагмент подчеркивает не только личную ответственность оленеводов за каждого оленя, но и необходимость строгого соблюдения заданного маршрута, заданного совхозом. Любые отклонения от этих маршрутов полностью вменялись в ответственность оленеводам.

Из отчета за 1969 год можно получить более детальное представление о том, как советская бюрократия связывала падеж оленей с соблюдением установленных маршрутов. В частности, в документе отмечается, что в двух стадах государственный план был выполнен на 97,6% и 95% соответственно, а сохранность молодняка составила 100% в обоих стадах (МА, ф.39, оп.1, д.49). Далее подчеркивается, что «положительный опыт работы этих стад заключается в том, что они в начале года правильно составили маршруты своих стад, и строго придерживались этим маршрутам. В остальных стадах в результате неправильного составления маршрутов, в течение года производились частые перегоны оленей по многим участкам. В результате допущены большие потери и падеж оленей» (МА, ф.39, оп.1, д.49). Таким образом, государство предписывало оленеводам не только сохранять и увеличивать поголовье, и обеспечивать сохранность молодняка, но и строго следовать заранее определенным маршрутам. В советской системе оленеводство превратилось из образа жизни не просто в производство, но в жестко бюрократизированную отрасль.

Отчеты за 1964 и 1969 годы ярко отражают тяжелые условия, в которых оказались оленеводы. В отчете за 1964 год говорится: «До сих пор оленеводам не обеспечены нормальные условия труда. За выращивание молодняка и за сохранение крупных оленей без потерь не выплачиваются дополнительные выплаты. Кроме того, не выплачиваются оленеводам праздничные и выходные дни или не обеспечиваются подменными пастухами» (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Смысл этого становится понятнее из отчета за 1969 год, где кратко отмечается, что «оленеводам не предоставляются выходные дни» (МА, ф.39, оп.1, д.49). То есть, в отсутствие подменных пастухов оленеводы вообще не имели выходных и не получали за это никакой дополнительной оплаты.

Отчет за 1969 год подчеркивает, что «оленеводы живут в очень трудных условиях. Не обеспечиваются необходимыми инвентарями/палатками, спецодеждами, железными печками и др. ... Низка оплата труда оленеводов. Норма на одного оленевода высокая» (МА, ф.39, оп.1, д.49). По воспоминаниям жителей поселка, зарплата оленеводов составляла около 70–100 рублей, что было почти в три раза ниже средней заработной платы в 288 рублей в Якутии в 1970-е годы [БСЭ 1978]. Здесь важно упомянуть, что с 1930 по 1966 год коллективные и советские хозяйства компенсировали труд работников не деньгами, а трудоднями. Когда произошел переход от трудодней к денежной оплате труда в совхозе «Новый», созданном в 1960 году, выяснить пока не удалось. Отчет за 1969 год признает необходимость привлечения молодежи к работе в оленеводстве хотя бы на один год (МА, ф.39, оп.1, д.49). Это подчеркивает, что оленеводство стало непривлекательным для молодых людей. Низкие зарплаты, безусловно, сыграли одну из ключевых ролей в этой ситуации.

По рассказам старожил поселка, олени требуют постоянного круглогодичного ухода. Домашние олени не могут существовать без человека. Летом стойбище необходимо окуривать, чтобы защитить животных от гнуса. Это требует особых навыков, чтобы избежать случайных пожаров. Также нужно защищать оленей от волков и других диких животных, в том числе от диких оленей, которые могут увести домашних с собой.

Кроме того, олени подвержены различным заболеваниям. Как указано в отчете за 1964 год, «имелись массовые заболевания оленей копыткой и чесоткой. Борьба с этими болезнями проводилась очень слабо, плохо обеспечен медикаментами. В связи отдаленности, расстояния между стадами один ветработник был не в силах обслуживать все стада во время массовой болезни оленей» (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Как показывает этот документ, совхоз выделял лишь одного ветеринара для ухода за примерно 2000 оленями и в целом, очевидно, что ветеринарная помощь была организована слабо.

Руководство совхоза ожидало от оленеводов ведения «рентабельного хозяйства» (МА, ф.39, оп.1, д.49). В отчете за 1969 год даже упоминается категория «упитанности оленей», которая делилась на высокую, среднюю и низкую. В отчете выражалось недовольство практикой начала забоя оленей в январе-феврале, когда животные уже начинали терять упитанность. В частности, в отчете говорится следующее: «Как правило последние годы стали производить забой оленей в январе-феврале месяцах. К этому времени олени потеряют свою упитанность и производятся лишние затраты по уходу забиваемых оленей за 2-3 месяца» (МА, ф.39, оп.1, д.49). Совхоз тщательно оценивал живой вес животных и количество мяса, передаваемого государству.

Как видно из вышенаписанного, перед оленеводами и совхозом стояла задача сохранять и увеличивать государственное поголовье оленей. Оленеводы несли прямую ответственность за каждое животное. Это подчеркивает важный момент: упадок

оленоводства в Садынском наслеге в конце 1970-х годов не мог быть инициативой самих оленеводов. Такие решения могли приниматься только на государственном уровне.

История утраты оленеводства в Садынском наслеге в 1970-е годы. В период с конца 1960-х до начала 1970-х годов документы о состоянии оленеводства в Садынском наслеге указывают на значительные изменения в отрасли. Появляются новые, ранее не упоминавшиеся проблемы. Расширяющаяся горнодобывающая промышленность привлекала все больше приезжих рабочих, что становилось угрозой для выживания оленей в наслеге. Например, в отчете за 1970 год говорится: «Каждый год оленей пристреляют, убивают десятками неизвестные лица, работники экспедиций, «охотники» из города. Так например в этом году на первой стаде пристрелили двух оленей и увезли на машине. Это только увиденное. А так не выясненных никто не знает. Дело передали следственным органам, но результата так и нет» (МА, ф.39, оп.1, д.57, л.13). На собрании жителей Слюдюкара 12 декабря 1970 года один из жителей выступил: «Летом «хомус» где я живу тоже стреляли моих собственных оленей, одного тугута увезли моторной лодкой. Я обратился в органы милиции, но ко мне приехал сотрудник только 1,5 месяц спустя того случая» (МА, ф.39, оп.1, д.57, л.31). Как показывают эти материалы, правоохранительные органы практически не занимались подобными делами.

В Протоколе заседания сельсовета от 10 декабря 1970 года говорится о массовом отравлении оленей, в результате которого погибло много молодняка. В документе указано, что «приехали специалисты и не могли установить диагноз» (МА, ф.39, оп.1, д.55, л.37). Причины гибели оленей так и остались невыясненными. Кроме того, среди факторов снижения численности оленей назывались хищники, особенно волки (МА, ф.39, оп.1, д.55, л.37).

Наконец, в апреле 1972 года на собрании наслега обсуждалось сокращение пастбищных угодий. Это вызвало ряд проблем, таких как длительное пребывание стад на одном месте, что ухудшало состояние существующих пастбищ (МА, ф.39, оп.1, д.64, л.14). В результате, согласно отчету наслега за 1972 год, общее количество оленей составило 1,484 головы (МА, ф.39, оп.1, д.64, л.48), то есть за несколько лет численность животных сократилась на треть.

Тем временем положение оленеводов оставалось практически неизменным по сравнению с 1960-ми годами. Согласно протоколу заседания сельсовета 14 апреля 1972 года (МА, ф.39, оп.1, д.64, л.14–17), их заработные платы оставались низкими и не увеличивались. В попытках снизить потерю и кражу оленей в некоторых стадах летом было организовано круглосуточное дежурство. Оленеводы продолжали сталкиваться с задержками в получении необходимого снаряжения, такого как защитная одежда и палатки, и не обеспечивались санями, седлами, веревками и радиоприемниками. Также обсуждался вопрос обеспечения огнестрельным оружием для самообороны и защиты оленей. Кроме того, отсутствие ветеринара в наслеге значительно усложнило жизнь оленеводов. В документе отмечалось: «Слабо проводится улучшение и облегчение работы оленевода, не строится зимовье и коралы» (МА, ф.39, оп.1, д.64, л.15). В результате некоторые оленеводы начали отказываться от работы в стадах, что привело к критической нехватке кадров.

Житель Слюдюкара Петр Игнатьев выступил на собрании в 1972 году, подчеркнув: «Выступившие товарищи останавливаются в основном на трех вопросах. Это нет пастбищных угодий, нет кадров, не сможем увеличить количество оленей. Тогда мы должны вести разговор не о развитии оленеводства, а том, как избавиться от оленей. Это неправильно. Разговор должен вестись только в одном направлении – это о

развитии оленеводства» (МА, ф.39, оп.1, д.64, л.14). Сохранение оленеводства имело первостепенное значение для жителей Садынского наслега.

Однако в феврале 1973 года на собрании наслега впервые было выражено беспокойство по поводу того, что «руководящие организации высказывают мнение о ликвидации оленей в нашем отделении совхоза, так как оленеводство убыточно» (МА, ф.39, оп.1, д.71, л.2). Последующие документы свидетельствуют о возрастающем давлении на оленеводов, которые пытались сохранить оленеводство. В протоколе собрания жителей 1975 года отмечается: «из-за недобросовестного отношения к своим обязанностям оленеводов продолжается хронический падеж и потеря оленей» (МА, ф.39, оп.1, д.81, л.78). В рамках советской системы ответственность за упадок оленеводства была возложена на самих оленеводов, которые десятилетиями были лишены достойной зарплаты и необходимых ресурсов.

Согласно данным на начало 1974 года, в наслеге насчитывалось 1146 государственных оленей (МА, ф.39, оп.1, д.81, л.86). Последнее упоминание оленеводства в архивных документах содержится в протоколе собрания от 23 декабря 1976 года, где один из участников заметил: «Оленеводство было у нас традиционной отраслью хозяйства. По моему, ликвидация оленеводства нанесет определенный ущерб нашему хозяйству, в особенности по отношению транспорта» (МА, ф.39, оп.1, д.82, л.25). Архивные материалы больше не дают информации о причинах ликвидации оленеводства. Оно просто исчезает из отчетов и других документов, за исключением статических данных о численности животных в наслеге. Например, в отчете за 1977 год указано, что общее количество государственных оленей составило 37 голов (МА, ф.39, оп.1, д.84, л.36).

По рассказам местных жителей, драматическое сокращение численности оленей до 37 в 1977 году было результатом массового забоя. Перед массовым забоем совхоз начал продажу оленей в частные руки. Некоторые семьи смогли купить и сохранить небольшое число животных. По воспоминаниям одного из старожилов, «всех оленей забили. Недалеко от деревни был загон, где и проводился массовый забой. Затем мясо куда-то вывозили... Нам объяснили, что совхоз собирается отказаться от оленеводства и перейти к другим формам хозяйствования. И это все, что сказали людям» (ПМА 2021). Учитывая реалии советской системы, жители не могли выступить против этого решения. Другой старожил рассказал следующее: «Они сказали, «Зачем вам олени?» А потом, они приехали и забили всех оленей. Наши старики чуть не плакали кровью. Они испытывали глубокую печаль. Они считали, что само наше существование было возможно только благодаря оленям» (ПМА 2021). Таким образом, совхоз организовал забой оленей и, очевидно, что привлек для этого людей извне. Это произошло не одномоментно, а в течение зимы 1976-1977 годов. Даже сегодня жители называют место забоя «местом, где забили оленей».

Один из старейшин поселка полагает, что власти того времени придерживались мнения, что «Оленеводство бесполезно... Никто тогда не думал, что здесь живут эвенки, и что они не могут жить без оленей. Они сделали то, что было выгодно им. Кроме того, здоровье оленей ухудшилось, а пастухи испытывали разные трудности, в этой сфере тогда оставались только пожилые люди. Молодежь предпочитала карьеру в других областях. Это и было корнем всех проблем. Общая позиция была такова, что олени больше не нужны» (ПМА 2021).

По мнению некоторых жителей, олени стали препятствием для добычи ресурсов и развития алмазной промышленности. Один из старожилов поделился: «Где есть олени, экспедиции работать не могут. Поэтому, чтобы добывать ресурсы, они уничтожили здесь

оленоводство» (ПМА 2021). Он также отметил: «Мы держали своих оленей на тех участках, где они собирались работать. Олени находились прямо над недрами. Как они могли вести свою работу, если рядом олени? Они даже требовали, чтобы отел оленей происходил в заранее определенном месте» (ПМА 2021). Другой житель выразил аналогичное мнение, сказав: «Олени не могли конкурировать с алмазами» (ПМА 2021). Однако, официально оленеводство в наслеге было ликвидировано под предлогом его нерентабельности и отсутствия прибыли. Архивные материалы свидетельствуют, что официальная версия возлагала ответственность за упадок отрасли на самих оленеводов, которые до последнего пытались сохранить оленеводство, борясь с постоянной нехваткой ресурсов. Эта локальная история утраты оленеводства иллюстрирует, как в советской системе бюрократическая ответственность перекладывалась на рядовых работников, тогда как ключевые решения принимались «сверху», на государственном уровне.

Исследователи разделяют мнение жителей Садынского наслега, что промышленность сыграла решающую роль в упадке оленеводства [Боякова 2024]. Но в архивных документах нет прямых упоминаний о том, что ликвидация оленеводства была как-то связана с расширением промышленных работ. Хотя в этих же документах можно обнаружить свидетельства, что упадок оленеводства был связан с острой нехваткой пастбищ и массовым притоком работников, прибывших для участия в добывающих проектах. Таким образом, становится ясно, что причиной ликвидации оленеводства стала не его нерентабельность, а конфликт с растущей добывающей промышленностью, которая вытеснила традиционную отрасль.

Заключение. Для жителей Садынского наслега олени являются культурным символом, неразрывно связанным с эвенкийской идентичностью. Они не смирились с потерей оленеводства и сегодня в наслеге предпринимаются попытки его возрождения, адаптировав его к современным реалиям, включая использование таких непривычных форм, как загонное оленеводство. Утрата оленеводства стала не только экономической, но и культурной трагедией для местного сообщества. Анализ материалов устной истории, воспоминаний жителей и архивных документов свидетельствует, что ликвидация оленеводства в советский период была обусловлена не только внутренними проблемами отрасли, но во многом стала следствием конфликта между традиционным укладом жизни коренных народов и индустриальными интересами государства. Эта история важна не только как исследование локальных процессов, но и как пример универсальных вызовов, с которыми сталкиваются коренные народы в условиях глобальных социально-экономических изменений.

Библиография

1. Pika A. (ed.). Neotraditionalism in the Russian North: Indigenous peoples and the legacy of Perestroika. Canadian Circumpolar Institute (CCI) Press, 1999. 256 p.
2. Kasten E. (ed.). People and the land: pathways to reform in post-Soviet Siberia. Dietrich Reimer Verlag, 2002. 257 p.
3. Habeck J. O. What It Means to Be a Herdsman: The Practice and Image of Reindeer Husbandry among the Komi of Northern Russia. Scott Polar Research Institute: University of Cambridge, 2003. 240 p.
4. Vitebsky P. Reindeer people: Living with animals and spirits in Siberia. Harper Collins Publishers, 2005. 496 p.
5. Stammeler F. Reindeer Nomads meet the market: culture, property and globalization at the 'End of the Land'. Lit Verlag Berlin, 2005. 379 p.
6. Brandisauskas D. Leaving footprints in the taiga: Luck, spirits and ambivalence among

- the Siberian Orochen reindeer herders and hunters. Berghahn Books, 2017. 305 p.
7. Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск: Якутское книжное издательство, 1964. – 204 с.
8. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Издательство «Наука», 1985. – 286 с.
9. Fondahl G. Gaining Ground? Evenkis, land, and reform in Southeastern Siberia. Allyn and Bacon, 1998. 146 p.
10. Anderson D. Identity and ecology in Arctic Siberia: The number one reindeer brigade. Oxford University Press, 2000. 270 p.
11. Sirina A. Katanga Evenkis in the 20th century and the ordering of their Life-world. Canadian Circumpolar Institute (CCI) Press, 2006. 240 p.
12. Дуткина В.А., Белянская М.Х. Эвенки Верхнекетья: историко-этнографический очерк. Санкт-Петербург: Алмаз-Граф, 2014. – 111 с.
13. Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic indigenous knowledge system of landscape, climate, and human interactions: Evenki reindeer herders and hunters. Furstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2017. 467 p.
14. Боякова С.И. Брагатские эвенки: история, расселение, хозяйство, современный статус // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 3 (48). С. 57-68.
15. Вечерин П.П. От треста до компании, от палаток до городов: Хронология «Якуталмаза» 1957–1992 гг. Мирный: Мирнинская городская типография, 1997. – 296 с.
16. Степанов С.А. «АЛРОСА»: Прошлое и настоящее. М.: ООО «Издательский дом «Полярный круг», 2002. – 544 с.
17. Санникова Я.М. Коллективизация сельского хозяйства в Якутии (1929–1940 гг.). Якутск: Бичик, 2007. – 136 с.
18. Статистика 2023: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Численность населения по муниципальным образованиям на 1 января 2020–2024 гг. URL: https://14.rosstat.gov.ru/chisl_sostav (дата обращения: 14.12.2024).
19. Игнатьева Е.П. История Бырангатского рода: Сюрюнда. Садын. Сьюльдюкар. Якутск: ИП Тимофеева, 2019. – 256 с.
20. Муниципальный архив (МА) Мирнинского района РС(Я), ф. 39, оп. 1, д. 29. Отчет о состоянии животноводства на 1 сентября 1965 года.
21. МА, ф. 39, оп. 1, д. 46. Отчет о состоянии животноводства на 1 августа 1968 года.
22. МА, ф. 39, оп. 1, д. 20, л. 24. Сессия Садынского наследного Совета депутатов трудящихся от 1964 года.
23. МА, ф. 39, оп. 1, д. 49. Об итогах работы оленеводства за 1968 год и задачи на 1969 год.
24. БСЭ: Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика // Большая Советская Энциклопедия. В 30 томах. Том 30: Эксилибрис-Яя. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1978. С. 490-496.
25. МА, ф. 39, оп. 1, д. 57, л. 12-14. Протокол общего собрания рабочих и служащих отделения № 3 совхоза «Новый».
26. МА, ф. 39, оп. 1, д. 57, л. 31. Протокол общего собрания граждан поселка Сьюльдюкар от 12 декабря 1970 года.
27. МА, ф. 39, оп. 1, д. 55, л. 37-40. Протокол №12 очередной сессии двенадцатого созыва Садынского сельского совета депутатов трудящихся от 10 декабря 1970 года.
28. МА, ф. 39, оп. 1, д. 64, л. 14–17. Шестая сессия тринадцатого созыва Садынского сельского совета депутатов трудящихся. Протокол №6 от 14 апреля 1972 года.
29. МА, ф. 39, оп. 1, д. 64, л. 40-49. Отчет работы Садынского сельского совета на 1972 год.

30. МА, ф. 39, оп. 1, д. 71, л. 1-3. Протокол №11 сессии тринадцатого созыва Садынского сельского совета депутатов трудящихся от 19 февраля 1973 года.
31. МА, ф. 39, оп. 1, д. 81, л. 77-80. Протокол №5 очередной сессии Садынского сельского совета депутатов трудящихся от 26 декабря 1975 года.
32. МА, ф. 39, оп. 1, д. 81, л. 85-87. Справка о выполнении условий Всесоюзного социалистического соревнования за 1974 год.
33. МА, ф. 39, оп. 1, д. 82, л. 25-28. Протокол 11-го заседания сессии Садынского сельского совета от 23 декабря 1976 года.
34. МА, ф. 39, оп. 1, д. 84, л. 34-38. Отчет о работе исполкома Садынского сельского совета народных депутатов за 1977 год.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Основной предмет исследования - традиционное оленеводство в эвенкийской общине – Садынском наслеге Западной Якутии - в контексте советской индустриализации и развития алмазной промышленности. Автор исследует экономические и политические факторы сокращения поголовья оленей, упадка оленеводства и социальные последствия этого для коренного населения Западной Якутии.

Автор использует комплексный подход к исследованию, применяя методы архивной работы, этнографии, демографии, социологии. Архивные материалы позволили автору реконструировать хронологию событий, выявить официальную позицию властей и понять механизмы принятия решений в отношении оленеводства в Садынском наслеге. Методы этнографии – полевые работы, внутренние наблюдения, интервью дали возможность глубже понять субъективный опыт местных жителей, их восприятие происходящих событий и их отношение к утрате оленеводства. Применены также методы статистики для анализа состояния оленеводства в Сандыкском наслеге.

Актуальность исследования обусловлена проблемами социального и этнокультурного развития коренных народов Севера, столкнувшихся с глубокими изменениями в результате процессов модернизации и глобализации. Статья демонстрирует, как развитие крупной промышленности может оказывать негативное воздействие на традиционные формы хозяйствования и культуру коренных народов. Исследование также подчеркивает важность сохранения традиционных знаний и практик коренных народов, которые находятся под угрозой исчезновения.

Автор выявляет новые аспекты проблемы, такие как связь между упадком оленеводства и развитием алмазной промышленности. В 1949 г., на первом этапе геологоразведочных работ, оленеводы привлекались к ним в качестве каюров. Первые жилые постройки в Садынском наслеге появились в 1950 г. для размещения работников Амакинской геологоразведочной экспедиции, само село Сюльдюкар, основанное в 1956 г., стало частью логистики поставки сельскохозяйственной продукции для разворачивающейся алмазной промышленности. Научная новизна исследования заключается в том, что оно детализирует локальный кейс – автор подробно анализирует историю одного конкретного наслега, что позволяет глубже понять специфику происходивших процессов. Важно, что в научный оборот введены материалы Муниципального архива (МА) Мирнинского района РС(Я) за 1965–1977 гг.: отчеты о состоянии животноводства, оленеводства, отчеты и протоколы заседаний Сандыкского сельского совета, протоколы общих собраний работников совхозов и сельских жителей.

Стиль изложения ясный и информативный. Автор использует большое количество

конкретных данных, исторической, этнографической информации из архивных документов и полевых материалов (ПМА), что обеспечивает достоверность основных положений статьи и аргументирует выводы. Структура работы логична и последовательна. Содержание охватывает широкий круг вопросов, связанных с историей оленеводства в Садынском наслеге, от его расцвета в 1960-х годах до полного упадка в 1970-х.

Библиография достаточно обширна, включает как российские, так и зарубежные источники. Однако следует отметить, что автор недостаточно обращается к публикациям за последние 5 лет, они составляют лишь 10% библиографического списка, а если учитывать и ссылки на архивные материалы, то и того меньше – 6%. Также автор ограничивает библиографию работами, имеющими отношение непосредственно к эвенкам, не обращается к общим работам по проблемам коренных малочисленных народов Севера, Дальнего Востока. Кроме того, актуальным было бы обращение к зарубежному опыту сохранения традиционного хозяйства и традиционного образа жизни народностей Севера, в частности, Канады и Аляски (США).

Автор не явно апеллирует к оппонентам, но косвенно критикует некоторые существующие интерпретации. Например, он оспаривает точку зрения о том, что упадок оленеводства был обусловлен только внутренними проблемами отрасли - эпидемиями, падежом оленей, сокращением поголовья. Автор убедительно доказывает, что ключевую роль сыграли внешние факторы, связанные с развитием алмазодобывающей промышленности.

Выводы аргументированы. Автор обоснованно считает, что утрата оленеводства в Садынском наслеге была обусловлена сложным сочетанием факторов, включая экономические, социальные и политические.

Исследование будет интересно широкому кругу читателей, включая историков, этнографов, антропологов, а также специалистов в области изучения коренных народов и проблем устойчивого развития.